

## КОММУНИСТИЧЕСКІЙ ЗАГОВОРЪ ТЫСЯЧА ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ.

Вдохновителемъ и первымъ организаторомъ движенія былъ глазной врачъ Абдалла Ибнъ Маймунъ. Онъ родился въ началѣ IX вѣка по Р. Х. въ Ахвазѣ и происходилъ изъ интеллигентной персидской семьи. Формально Абдалла считался мусульманиномъ, а въ дѣйствительности по своимъ убѣжденіямъ примыкалъ къ матеріалистамъ и атеистамъ. Ихъ было довольно много въ тѣ времена не только среди арабской и персидской интеллигенціи, но и среди буржуазіи и знати.

Ахвазъ, теперешій Хузистанъ. — страна, находящаяся къ востоку отъ нижняго теченія Тигра, входилъ тогда въ составъ Арабскаго Халифата, однако старыя персидскія традиціи еще крѣпко держались среди его жителей и въ душѣ персы презирали завоевателей — арабовъ.

Кончался первый блестящій вѣкъ владычества арабской династіи Халифовъ-Аббасидовъ, наступали времена упадка. Одной изъ причинъ упадка было *разложеніе правящаго класса* государства, арабскаго военнаго дворянства, потомковъ людей, завоевавшихъ Сирію и Персію. Суровая, фанатичная вѣра, военный складъ ума измельчали, исчезли и перестали быть модными. Багдадъ — столица Арабской Имперіи, напоминалъ собой Парижъ XVII вѣка: люди философствовали, веселились, вольнодумствовали и суевѣрничали. Такъ было на верхахъ; средніе же слои и низы жили, какъ ихъ отцы, въ сферѣ все захватывающаго религіознаго интереса, и раціонализмъ образованныхъ людей доходилъ до нихъ лишь въ формѣ фермента, не уничтожавшаго религіозную жизнь, а заставлявшаго ее только *бурно бродить*.

Большимъ мѣстомъ господства Аббасидовъ были династическіе споры: ихъ права на Халифатъ оспаривались потомками Али, зятя Магомета; а вокругъ этого запутался цѣлый клубокъ вопросовъ мусульманской догматики и мистики, а также и на-

ціональний вопросъ — персы противъ арабовъ. Конечно, большую роль играли, какъ всегда, и соціальныя проблемы. Населеніе той части Халифата, которая раньше была независимымъ персидскимъ царствомъ, особенно бѣднѣйшее, не забыло еще тѣхъ уравнительно-коммунистическихъ мѣропріятій (въ томъ числѣ и общности женъ), которыя въ началѣ VI-го столѣтія осуществлялись проповѣдникомъ новой вѣры Маздакомъ съ одобренія царя Кавада изъ національной персидской династіи Сассанидовъ. Правда, эти эксперименты экономически и морально сильно разстроили Персидское государство и были не только прекращены, но и завершились *истребленіемъ* почти всѣхъ маздакистовъ; однако опытъ показываетъ, что мечты о «черномъ передѣлѣ» и «поравненіи имущества», разъ запавшія въ душу крестьянъ, городскихъ низовъ и беспочвенныхъ теоретиковъ, не такъ то легко вывѣтриваются.

Въ описываемое время \*) власть Багдадскихъ халифовъ еще производила впечатлѣніе прочности, а страна уже была покрыта *стѣю тайныхъ обществъ*, политическихъ и религіозныхъ. Онѣ появились еще до выступленія Абдаллы ибнъ Маймуна; но онъ съ бѣсовскою хитростью систематизировалъ пропаганду, обосновавъ ее на *правдоподобномъ и постепенномъ обманѣ*, и далъ ей прочную организацію. Арабскій историкъ XIV в. Макризи даетъ слѣдующую характеристику персидскаго революціонера: «Абдалла прекрасно зналъ всѣ религіи и всѣ секты. Онъ составилъ систему ученія, раздѣливъ ее на семь степеней знанія или посвященія. Прозелитъ долженъ былъ послѣдовательно проходить черезъ нихъ до тѣхъ поръ, пока, сбросивъ иго всякой религіи, онъ не становился настоящимъ материалистомъ, не признающимъ ни существованія Бога, ни какихъ-либо законовъ нравственности».

Такъ какъ пропаганда обращалась къ людямъ разныхъ расъ, убѣжденій и религій, то инструкція предписывала агитаторамъ *особый подходъ* при обращеніи къ каждой группѣ населенія. Въ примѣненіи къ мусульманамъ способъ постепеннаго овладѣванія человѣческой душой былъ примѣрно слѣдующій.

---

\*) См. литературу вопроса, особенно: S. de Sacy. Exposé de la religion des Druzes; M. J. de Goge. Carmathes du Bahrain; ego же La fin des Carmathes; ego же Carmathes et Fatimides; T. J. de Boer. Geschichte der Philosophie im Islam; E. G. Browne. Literary History of Persia; M. A. Nicholson. Literary History of the Arabs; а также Nöldeke. Encyclopédie de l'Islam; и др.

Тайный эмиссаръ движенія (дай), подходя къ намѣченному имъ лицу, вступалъ съ нимъ въ разговоръ на религіозныя темы. стараясь смутить совѣсть будущаго прозелита всякими каверзными вопросами. Одновременно дай намекалъ, что онъ обладаетъ знаніями, которыя даютъ ему возможность разрѣшить все сомнѣнія собесѣдника.

Такъ шли встрѣчи; потомъ, неожиданно, пропагандистъ замолкалъ и скрывался. Тогда тѣ, для кого все это было не пустымъ разговоромъ, а удовлетвореніемъ глубокой внутренней потребности просвѣщенія, сами отыскивали дая и просили, умоляли, требовали успокоенія. Имъ отвѣчали, что истина открывается не всею, а только избраннымъ и вѣрнымъ.

Какія нужны доказательства вѣрности? — Присяга и матеріальныя жертвы.

Если искатель истины соглашался, то онъ получалъ посвященіе и принимался въ общество.

Въ началѣ все сводилось къ тому, чтобы заставить адепта *слѣпо вѣрить* только руководителямъ общества и никому другому; но основные догматы Ислама открыто не затрогивались: такимъ образомъ пребываніе на низшихъ степеняхъ тайнаго общества едва-ли болѣе смущало мусульманина IX вѣка, чѣмъ участіе въ тайныхъ «орденахъ» и въ масонскихъ ложахъ соблазняло православнаго русскаго въ XVIII и XIX вѣкѣ. Можно думать, что три первыя степени системы Абдаллы по своей видимой безобидности приблизительно и соответствовали тремъ общеизвѣстнымъ степенямъ, — ученика, подмастерья и мастера — въ современномъ масонствѣ. Далѣе совершался переломъ.

*Четвертая степень* уже являла собой начало явнаго отступничества отъ правовѣрнаго мусульманства, такъ какъ въ ней прозелиту открывали, что Магометъ — не послѣдній и не *высшій* пророкъ.

Ученіе *пятой степени* шло еще дальше. Посвященному въ нее внушалось презрѣніе къ общепризнаннымъ толкованіямъ догматовъ и обрядовъ и указывалось на необходимость *исканія вездѣ скрытаго смысла*. Самихъ обрядовъ пока не трогали, но намекали, что правила жизни, установленныя Магометомъ, могутъ быть современемъ отмѣнены. Здѣсь дѣлали остановку.

Если считать, что первыя 3 степени представляли собой группу низшаго, а 4-ая и 5-ая степени — группу средняго вѣ-

дѣнія, то теперь начиналась область высшаго знанія. Допускъ въ нее производился съ большимъ выборомъ.

*Шестая степень.* Въ ней уже безъ обвиняковъ указывалось на ненужность молитвы, постовъ, поломничества, вообще всякихъ догматовъ и обрядовъ, основатели всѣхъ религій объявлялись обманщиками, а «мудрецы» — единственными обладателями истины. Членамъ общества внушалось теперь полагаться лишь на *силу разума* и относиться съ недовѣріемъ ко всѣмъ ререлигіознымъ преданіямъ.

Въ общемъ можно сказать, что адепты шестой степени по своему міросозерцанію должны были напоминать собой нашихъ атеистовъ и деистовъ XVIII-го вѣка или позитивистовъ XIX-го. Дальше почти никого не пускали. Изъ исторіи общества видно, что даже не всѣ даи имѣли посвященіе выше 6-ой степени и *многіе изъ нихъ думали, что здѣсь конецъ ученія.*

Они ошибались: не вольнодумство было послѣднимъ словомъ тайной мудрости заговорщиковъ. Дѣйствительно, въ *седьмой степени* отъ раціонализма поворачивали назадъ къ *мистикѣ*, но проповѣдывался уже не Юдиный Богъ, а *дуализмъ*. Этотъ принципъ развивался затѣмъ подробно въ *восьмой* и *девятой степеняхъ*, о существованіи которыхъ мы дополнительно узнаемъ отъ Макриси и его предшественника Новаири. Сообщенія обоихъ арабскихъ историковъ объ этомъ не совпадаютъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, но все таки ясно, что дуализмъ верхами общества воспринимался въ формахъ очень близкихъ къ ученію Манихеевъ, т. е. въ сущности утверждалась извѣчность и *принципіальное равенство добра и зла*, Бога и Дьявола. Отъ такого дуализма не трудно перейти къ *чистому сатанизму* и впоследствии этотъ шагъ часто дѣлался.

Съ точки зрѣнія религіозной психологіи переходъ отъ невѣрія 6-ой степени къ слутанной, а иногда и прямо *черной вѣрѣ* трехъ вышнихъ степеней—является чрезвычайно интереснымъ и знаменательнымъ фактомъ. Онъ указываетъ на ту связь, которая существуетъ въ человѣческой психикѣ между атеизмомъ и какимъ-то страннымъ мистицизмомъ. У одного изъ современныхъ нѣмецко-еврейскихъ вольнодумцевъ, недавно умершаго Ф. Маутнера, мы находимъ въ предисловіи къ его книгѣ «Атеизмъ и его исторія на Западѣ» поразительныя слова: «то, что я, созидаая, стараюсь предложить между строкъ моей разрушительной книги, т. е. мое кредо, это — нѣкая *безбожная ми-*

стика, которая, можетъ быть, вознаградитъ за длинноту сомнѣній».

Съ большой силой и глубже, чѣмъ кто либо, проникаетъ въ эту область Достоевскій, вскрывая бѣсовскій характеръ такого мистицизма. То, что онъ писалъ, не только пророчески объясняетъ намъ настоящее, но и служитъ ключомъ къ пониманію многого въ далекомъ прошломъ. Въ свѣтѣ идей Достоевскаго точно живая встаетъ передъ нами мрачная фигура персидскаго заговорщика. Петръ Верховенскій — мелкій бѣсъ передъ нимъ. Дерзанію Абдаллы нѣтъ предѣловъ, запретнаго для него не существуетъ; для достиженія поставленной цѣли, для овладѣнія властью, для *господства надъ тѣлами и душами людей* приводится въ движеніе и человѣческое благородство, и человѣческая подлость. Нужно использовать вѣрность и преданность — и создается идея *грандіознаго самозванства*: персъ объявляетъ себя арабомъ, потомкомъ Фатимы, дочери Магомета, жены его сподвижника Али. Не всѣмъ и не сразу объ этомъ говорятъ: *таинственность* должна сдѣлать успѣхъ болѣе вѣрнымъ, поэтому открытое выступленіе оттягивается, и Абдалла, не успѣвъ самъ использовать своего плана, умираетъ въ неизвѣстности, но таинственный Обайдалла, царствовавшій потомъ въ Африкѣ, былъ, вѣроятно, его внукомъ.

Для начала и развитія дѣятельности Абдаллѣ нужны были большія средства и ихъ ему дала человѣческая низость, величайшій изъ пороковъ — *зависть*. Была объявлена коммунистическая программа, началось большевицкое движеніе и въ распоряженіе социальнаго реформатора стали поступать, большія средства отъ доброхотныхъ, а чаще отъ недоброхотныхъ дателей.

Вотъ что рассказываетъ арабскій писатель, шерифъ Акху Мохсинъ, о коммунистическомъ законодательствѣ одного изъ главарей Хамданъ Кармата. Въ каждомъ поселеніи, гдѣ утверждалась власть секты по его приказанію, все имущество сносилось въ одно мѣсто и устанавливалось общее пользованіе. Дай выбиралъ человѣка, заслуживающаго, по его мнѣнію, довѣрія и послѣдній принималъ въ свое завѣдываніе всю частную собственность жителей: скоть, драгоценности, домашнюю утварь и т. д. На обязанности эконома лежало снабженіе нуждающихся всѣмъ потребнымъ, на примѣръ, одеждой, изъ этого запаса. Послѣ того, какъ такое устройство жизни прочно уста-

навливалось, Хамданъ Карматъ давалъ даямъ предписаніе въ опредѣленную ночь собрать всѣхъ женщинъ даннаго мѣстечка въ одно зданіе, гдѣ онѣ тоже предоставлялись въ общее пользованіе всѣхъ мужчинъ. По мнѣнію учителя, это было послѣдней, высшей степенью дружбы и братскаго единенія.

Несмотря на такія крайности, дѣло велось очень тонко. Самъ Абдалла держался въ тѣни и спокойно жилъ у себя на родинѣ, въ Хузистанѣ, тайно руководя оттуда своими послѣдователями. Его роль долгое время не была ясна, но подъ конецъ всетаки обнаружилась и правительство Халифа приказало арестовать вдохновителя смуты. Онъ спасся бѣгствомъ. сначала въ Басру, а потомъ въ сѣверную Сирію, въ городъ Саламію, куда давно уже переѣхалъ его сынъ Ахметъ. Это было около 875 года. Дальнѣйшая судьба революціоннаго вождя окутана туманомъ: какъ и когда онъ умеръ—точно неизвѣстно, но въ 897 году во главѣ движенія стоялъ уже не Абдалла, а Ахметъ.

Послѣ смерти инициатора жизнь его широко задуманнаго предпріятія пошла по тремъ путямъ. Въ Сиріи заговорщики выступили открыто, но успѣха не имѣли. Ахметъ былъ убитъ подъ Дамаскомъ; погибли и другіе вожди, и около 900 года движеніе было тамъ окончательно задавлено.

Иная судьба ждала Африканскую вѣтвь общества. Преемникъ Ахмета, Обайдалла, о которомъ уже упоминалось, спасся послѣ Сирійскаго разгрома и добрался до теперешняго Марокко. Тамъ онъ нашелъ преданныхъ послѣдователей и съ ихъ помощью въ 909 г. занялъ положеніе независимаго монарха. Это былъ первый Халифъ изъ династіи Фатимидовъ. Ей постепенно подчинилось большинство африканскихъ мусульманъ: въ Богдадѣ же усидѣли Аббасиды.

Третій жребій выпалъ на долю революціонеровъ на югѣ. Въ самомъ началѣ X в., выбитые изъ Месопотаміи и Персіи, они подъ начальствомъ главнаго дая Персіи, бывшаго торговца мукой, Абу-Саида, захватили Бахрайнь, полуостровъ на восточномъ берегу Аравіи. Здѣсь члены Общества образовали государство большевицкаго типа. Ихъ стали называть карматами, по имени одного изъ старыхъ вождей Хамданъ Кармата, хотя послѣдній самъ въ Бахрайнь не попалъ. Большой силы эта разбойничья община не представляла; едва-ли она когда либо могла выставить въ поле самостоятельно, безъ помощи бедуиновъ, болѣе 2.000 всадниковъ, а между тѣмъ сосѣдъ карматовъ

Багдадскій халифатъ, государство съ милліонами жителей, съ возможностью мобилизовать сотни тысячъ человекъ, не только не былъ въ состояніи уничтожить бахрайнскую шайку, но неоднократно ставился ею въ очень тяжелое, почти отчаянное положеніе. Загадка эта для насъ, русскихъ, наблюдающихъ взаимоотношенія Европы и Московскихъ коммунистовъ, затрудненій не представляетъ. Сила большевиковъ всѣхъ временъ и народовъ заключается не въ нихъ самихъ, а лишь въ безволиі или недомыслиі ихъ противниковъ и въ поддержкѣ со стороны. Такъ и теперь, въ XX вѣкѣ, третій интернаціональ править Россіей между прочимъ и по милости европейской буржуазіи, ибо большая ея часть, хотя и боится большевиковъ, но страдаетъ безволіемъ, а радикальное меньшинство ея чувствуетъ съ большевиками неизъяснимое сродство душъ.

Нѣчто подобное происходило и въ Западной Азіи въ X вѣкѣ. Весь Багдадскій халифатъ былъ наполненъ *тайными друзьями карматовъ*. Въ городѣ Басрѣ въ это время существовалъ кружокъ философовъ и ученыхъ, извѣстный подъ именемъ: «Братьевъ Чистоты». По своей литературной дѣятельности и по другимъ признакамъ братья напоминали французскихъ энциклопедистовъ XVIII столѣтія. Они имѣли отдѣлы своего общества во многихъ городахъ и возглавляли радикальную буржуазію страны. И такъ какъ сохранились документы, удостоверяющіе связь, по крайней мѣрѣ, идейную, между «Братями Чистоты» и карматами, то можно думать, что передовая интеллигенція страны скорѣе мѣшала, чѣмъ помогала своему правительству въ его борьбѣ съ послѣдователями Абдаллы. Вышнюю поддержку заговорщикамъ оказывали Халифы-Фатимиды. Положеніе ихъ было двойственное: съ одной стороны каждый Халифъ-Фатимидъ былъ главою богобоязненнаго и буржуазнаго государства, съ другой — Гросмейстеромъ атеистическаго и коммунистическаго тайнаго ордена, куда входили и карматы. Второе званіе приходилось держать въ секретѣ отъ своихъ подданныхъ, но отказаться отъ него тоже было невыгодно. Карматы слушались Фатимидовъ, а тѣ тайно поддерживали карматовъ; однако отношенія были слишкомъ сложными для того чтобы можно было избѣжать конфликта. Дѣйствительно въ 917 г. бахрайнскіе большевики обратили оружіе противъ своихъ высокихъ покровителей. Связь порвалась. Къ этому времени измѣнилось и рационалистическое настроеніе

арабской и персидской интеллигенціи. Слѣзное преклоненіе передъ разсудкомъ пропало у многихъ, вѣроятно, подѣ влияніемъ жизненныхъ уроковъ (это мы видимъ и на себѣ). Два раза, въ 920 г. и въ 924 г., городъ Басра, одно время центръ интеллектуальной жизни страны, подвергался жестокому разгрому со стороны карматовъ. Когда они грабили, то едва-ли разбирали, чью собственность социализировали, — обскуранта или своего идейнаго единомышленника. — радикальнаго интеллигента.

Буржуазная сознательность является не сразу, тому примѣръ современная Еврона; но подѣ конецъ она все-таки возникаетъ. Возникла она и въ халифатѣ. Одновременно происходилъ въ немъ еще одинъ процессъ, неблагоприятный для послѣдователей Абдаллы: расхлябанное арабское дворянство стало вытѣсняться новымъ военнымъ дворянствомъ: грубыми и примитивными, но твердыми офицерами турецкой наемной гвардіи.

Такъ усиливались противники большевицкаго государства; а въ немъ самомъ шелъ неизбѣжный развалъ. Талантливые вожди вымерли. Ихъ единоначаліе замѣнилось коллективной властью; партійная дисциплина пала, разбойничья солидарность смѣнилась раздорами, коммунистическіе лозунги потеряли свою притягательную силу, а таинственный вождь оказался просто сосѣднимъ монархомъ, халифомъ въ Каирѣ. Къ этому присоединилось еще и то, что экономическая база социалистической общины, а именно эксплуатація примыкающихъ буржуазныхъ государствъ, перешла въ руки конкурентовъ-бедуиновъ: послѣдніе отняли у обезсиленныхъ бахрайскихъ большевиковъ право взиманія дани. Карматское государство возникло приблизительно въ 900 г., а уже около 980 г. его значеніе было ничтожно, но оно продолжало влачить свое существованіе еще въ теченіе 100 лѣтъ. Въ концѣ XI в. карматы были уничтожены окончательно.

Такъ безславно кончился и этотъ коммунистическій опытъ. Онъ не былъ первымъ въ исторіи человечества, а современный намъ московскій не будетъ послѣднимъ. Всѣ они обречены на неудачу, такъ какъ основываются на злобѣ, зависти, ненависти, вообще на злѣ; а зло не созидательно.

Масштабъ безсовѣстнаго русскаго эксперимента неизмѣримо больше арабскаго, но если сравнить замыслы обоихъ идеологовъ, Ленина и Абдаллы, то по широтѣ задачи второй превосходитъ перваго.



Цѣль Ленина (по крайней мѣрѣ видимая) — ввести вездѣ коммунизмъ, а уничтоженіе религіи и морали есть лишь средство для этого: намѣреніе же Абдаллы обратное: онъ хотѣлъ *вытравить вѣру и совѣсть* изъ людскихъ душъ, коммунизмъ же долженъ быть только облегчать достиженіе главной цѣли.

Абдалла опаснѣе Ленина. Марксистъ изъ Симбирска — человекъ опредѣленной эпохи, совратитель худшихъ людей; а персъ своимъ тонкимъ методомъ обволакиванія души, постепеннаго отвода какъ разъ лучшихъ людей отъ добра къ злу, создалъ *школу соблазна универсальнаго значенія*. Имя зловѣщаго врача почти забылось, но ядовитое дыханіе его метода чувствовалось въ теченіе многихъ вѣковъ и у многихъ народовъ. Оно чувствуется и сейчасъ.

**Странникъ.**

---